



Экономическая борьба и солидарность

Эррико Малатеста

31 августа 1920

Получаем из Генуи письмо, которое доказывает ещё раз, что экономическая борьба, если она не вдохновлена высоким идеалом человеческой солидарности и остаётся замкнутой в пределах текущих и непосредственных интересов рабочих, не только не может вести к окончательному освобождению, но, напротив, стремится создавать антагонизмы и борьбу между одними рабочими и другими рабочими – к полной выгоде сохранения буржуазного порядка.

Это генуэзские телеграфные рассылные, которые требуют исключения женщин из контор по доставке. Они протестуют против того, что «в конторах держат столько барышень, которые работают только для того, чтобы покупать себе духи, пудру, шёлковые чулочки, тогда как столько тысяч демобилизованных, после того как сражались за благо и величие бумажников их господ, видят себя отвергнутыми от того места, которое было бы им необходимо, чтобы накормить своих детей». И в статье подписанной «Персо-

Эррико Малатеста
Экономическая борьба и солидарность
31 августа 1920

Umanità Nova, год 1-й, №158

ru.anarchistlibraries.net

нал рассыльных и третья категория почтово-телеграфных работников» говорят:

«Долой женщин.

Причина? Прежде всего, женщины в управлениях не все рассыльные. Есть много других категорий женщин на службе, (гораздо выше) и которые к слову «пролетариат» питают священный ужас, и в агитациях всегда были теми, кто предавал дело или серьёзно компрометировал окончательный исход: почтово-телеграфным и банковским работникам слово. Следует учесть, что женщины в конторах не представляют никакой активной единицы, а напротив – элемент постоянного раздора, с разным обращением с тем и другим полом. Пусть будет проведён плебисцит среди всех тех, кто осуждён работать с женским элементом, и Avanti!¹ убедится, что и среди социалистов существует в высшей степени оправданная неприязнь к этой рабочей силе, которая не что иное, как конкуренция мужчине, и элемент, легчайше поддающийся дезертирству, и потому используемый для противовеса движениям, которые могут происходить в рабочем классе.

Служащая никогда не сможет быть хорошей матерью семейства: либо одно, либо другое; нельзя быть на двух местах.

Следует иметь в виду, что женщина в силу своих особых физических условий не может быть привлечена к тяжёлым, ночным работам или работам с большой ответственностью (телеграф,

¹ Социалистическая газета.

железные дороги и так далее). Отсюда дурное настроение другой стороны, вынужденной служить затычкой и восполнять недостатки этого персонала.

Итак, домой женщин – лучше воспитывать своих детей, а на их место поставить всю ту безработную молодёжь, которую ежедневно отвергают. Почему предпочитают сестру брату!

Это и есть прям-таки всё рыцарство?! Это социалистический идеал? Нет! мы не верим в это, потому что женщина укореняется именно в крупных буржуазных учреждениях и в государственных конторах, где её держат как материал для противопоставления нашим священным требованиям, и не только поэтому, но прежде всего потому, что у неё более приятная улыбка и более сговорчивый нрав, чем у мужского пола.

Не будем говорить об отдаче, которую они могут дать: они чаще всего больны из-за тех естественных недомоганий, которым подвержены женщины, особенно когда они беременны и не показываются больше шести месяцев».

Оставив в стороне соображения физиологического и социального порядка о производительности и социальной миссии женщины, которые привели бы нас к дискуссии, не уместающейся в этой статье, – кто мог бы упрекнуть людей, которые голодны, которые видят, как чахнут их дети, и единственная надежда которых найти работу – это заставить выгнать другого с занимаемого им места, если они сравнивают с завистью и яростью своё положение несчастного с положением более удачливых рабочих (или

работниц) и стараются, хотя бы и с аргументами, которые служат хозяевам, заставить отправить их вон с целью заменить их?

Но тогда не правы и те злополучные, которые по той или иной причине никогда не могут наесться, кроме как когда происходит забастовка, благодаря которой они могут немного поработать штрейкбрехерами.

Не правы рабочие одной страны, которые выступают против приезда и занятия рабочих мест иностранцами.

Не правы квалифицированные рабочие, которые стараются сделать из своего ремесла монополию, а потому не хотят учеников, не хотят женщин, не хотят товарищей, которые не были бы из их «гильдии», и так далее.

Не права хозяйка, которая проклинает железнодорожников, когда из-за забастовки должна платить за картошку дороже обычного.

Не правы все те, кто смотрит на неотложные нужды, на ущерб или на непосредственные выгоды и тем самым предаёт общее дело, дело будущего.

И не правы также те, кто, робкие, или ленивые, или довольные, имеют зуб на революционеров, которые нарушают их спокойствие.

И мы не виним никого.

Мы понимаем телеграфного рассыльного, который завидует шёлковому чулочку барышни, но понимаем и барышню, которая не хочет больше оставаться дома, прислуживая господину мужчине, который, может быть, возвращается домой пьяным и колотит её.

Мы понимаем стачечника, который бьёт с полным правом штрейкбрехера (но насколько лучше сделал бы он, избивая хозяев!), но понимаем и несчастного, который мог бы сказать стачечникам: вы не занимались мной, когда я умирал с голоду, вы не думали делить работу со мной, когда я был безработным; сегодня я не забочусь о том, что-

тующими рабочими, к энергичным средствам, способным обеспокоить правительство.

Эррико Малатеста.

бы помочь вам выиграть забастовку, результат которой для меня будет ухудшением моей нищеты.

Истина в том, что в обществе, – подобном этому, которое мы терпим, основанном на индивидуальном эгоизме, на борьбе каждого против всех и всех против каждого, пока мы остаёмся в пределах буржуазного порядка и буржуазной морали, – неверно, что интересы рабочих солидарны, неверно, что борьба за жизнь естественно является классовой борьбой.

Интересы рабочих становятся солидарными, когда они учатся любить друг друга и *хотят*, чтобы всем было хорошо; борьба каждого за себя становится классовой борьбой, когда высшая мораль, идеал справедливости и более глубокое понимание преимуществ, которые солидарность может принести каждому индивиду, братает всех тех, кто находится в аналогичном положении.

Естественно, при индивидуалистическом режиме, при режиме конкуренции благо одного сделано из бед других. Если одна категория рабочих улучшает своё положение, цены на их продукты растут, и все те, кто не принадлежит к этой категории, терпят ущерб. Если занятые рабочие успевают помешать хозяевам уволить их и становятся как бы собственниками своего места, безработные видят, что вероятность найти работу уменьшилась. Если из-за новых изобретений, или из-за смены мод, или по другим причинам какое-то ремесло приходит в упадок и исчезает, одни потерпят ущерб, а другие получают преимущество; если какой-то товар приходит из-за границы и продаётся по цене ниже той, по которой его можно произвести в стране, потребители выигрывают, но те, кто производил этот товар, разорены. И вообще всякое новое открытие, всякий прогресс в методах производства, даже если в будущем он сможет принести пользу всем, всегда начинается с того,

что производит смещение интересов, которое выражается в человеческих страданиях.

Конечно, правы генуэзские рассыльные. В труде и в вознаграждении следовало бы учитывать потребности и отдавать предпочтение при занятости тому, кто не может обойтись без работы; платить больше тому, у кого больше людей, детей, или старых родителей, или нетрудоспособных родственников, которых нужно содержать; давать более лёгкую работу более слабым, более простую – менее одарённым, соразмеряя вознаграждение не с производительностью, а с потребностями рабочих.

Но это мораль, которая не сможет найти своего применения иначе как в коммунистическом обществе – коммунистическом более по духу, чем в конкретных формах организации.

И именно поэтому мы, убеждённые, что антагонизмы между человеком и человеком не могут быть преодолены иначе как полным преобразованием общественной системы и упразднением возможности эксплуатации чужого труда, интересуемся посредственно борьбой категорий, экономической борьбой, когда она не поднимается до вопросов требований морального порядка и общего интереса.

Прав каждый, кто защищает свой ежедневный хлеб или старается сделать его как можно менее скудным; прав каждый, кто хочет есть и жить как можно лучше уже сейчас, не дожидаясь революции; но мы, которые не представляем частных интересов индивидов или категорий, занимаемся предпочтительно теми волнениями, теми движениями, которые стремятся расширить чувство солидарности и подготовить революцию.

Откровенно: телеграфные рассыльные, которые занимаются антифеминизмом, потому что антифеминизм соответствует их интересам, не вызывают у нас симпатии.

Мы восхищаемся, напротив, теми рабочими, которые умеют соединять, с одной стороны, борьбу за свои текущие и непосредственные интересы, а с другой, борьбу за общие интересы и за идейные соображения.

Так например, – железнодорожники и морские рабочие, которые с риском для себя отказываются перевозить людей и вещи, служащие целям, убийственным для свободы; так например – те рабочие полей или мастерских, которые через собственные бюро по трудоустройству и через ограничение рабочего дня пытаются привлечь всех к доступной работе; так например – те рабочие, которые, как сегодня английские шахтёры каменного угля, требуя и навязывая хозяевам повышения зарплаты, навязывают также, чтобы эти повышения брались из прибыли хозяев и не перекладывались на плечи потребителей; так например – все те рабочие, которые отказываются или отказались бы делать вредные работы, строить дома, которые рушатся во вред бедным, и прочные тюрьмы или казармы в пользу правительства, делать пищевые продукты низкого качества, печатать ложь против самих себя и своих друзей, и так далее и тому подобное.

Всё это служит для того, чтобы поднять сознание рабочих и подготовить моральную и материальную революцию, которая должна основать новый мир.

Борьба же, вдохновлённая мелкими интересами и ведущаяся мелкими средствами, вредна для революционной подготовки и не служит потом, на практике, даже для решения текущего вопроса.

Телеграфные рассыльные не добьются того, чтобы женщин отправили вон, как возчики не добились бы устранения грузовиков или железных дорог. Они могли бы, напротив, добиться того, чтобы демобилизованных взяли на работу, если бы прибегли, солидаризируясь со всеми бун-